ЛИЗА УОЛДЕР

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

ЗАПИСКИ ИЗ СКОРОЙ

Спасая Жизнь: ИСТОРИИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Спасая жизнь. Истории от первого лица

Лиза Уолдер

Борьба за жизнь. Записки из скорой

«Издательство АСТ»

2020

УДК 614.8
ББК 51.1

Уолдер Л.

Борьба за жизнь. Записки из скорой / Л. Уолдер — «Издательство АСТ», 2020 — (Спасая жизнь. Истории от первого лица)

ISBN 978-5-17-120505-8

Перед вами реальные захватывающие жизненные истории, проникнутые горем и надеждой, рассказанные непосредственным участником событий. Трагические, жуткие эпизоды, часто связанные с потерей близких, и, напротив, сцены радости и триумфа – все это результаты экстренного звонка в 999, самую крупную и загруженную службу скорой помощи в мире, где Лиза Уолдер уже более 15 лет работает фельдшером. Сейчас она от первого лица рассказывает, что скрывается за голубыми маячками и ревущими сиренами и что на самом деле означает иметь работу, которая каждый день сводит медиков скорой помощи лицом к лицу со смертью и с судьбой.

УДК 614.8
ББК 51.1

ISBN 978-5-17-120505-8

© Уолдер Л., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие 6
Вступление 8
Трагические истории 11
Наркоманы 11
Нападение в парке 14
Между жизнью и смертью 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лиза Уолдер
Борьба за жизнь. Записки из скорой (при участии Джеки Хаймс)

Lisa Walder with Jacky Hyams
Fighting for your Life: a Paramedic's Story

© Lysa Walder and Jacky Hyams 2008/2011/2020
© М. С. Перекалин, перевод, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящаю книгу памяти Стивена Робери, Стивена Райта и Дороти Винтер – моих замечательных друзей, которые, к сожалению, ушли от нас слишком рано. Вы оказали большое влияние на всех, кто вас знал. Вы навсегда останетесь в нашей памяти.

Предисловие

Когда живешь в столице, постоянно ощущаешь присутствие экстренных служб где-то рядом. Это и громкие звуки сирен машин скорой помощи, и жужжание вертолетов, кружащих над крышами домов в три часа ночи, и летящие на огромной скорости полицейские и пожарные машины, ревом моторов пробивающие себе дорогу по улицам города, превратившегося в одну сплошную пробку, к очередному месту происшествия, туда, где разыгралась новая трагедия. Гул и рев транспорта экстренных служб Лондона может нервировать и раздражать утомленных автомобилистов и пешеходов, отчаявшихся поговорить по мобильному телефону, или человека, страдающего бессонницей и ежечасно вскакивающего от каждого шороха. Однако это многообразие громких звуков стало надоедливой мелодией повседневной городской жизни и превратилось в такой же символ Лондона, как и красные автобусы, магазины на Оксфорд-стрит или черные такси, снующие туда-сюда по Шефтсбери-авеню – одной из самых оживленных городских магистралей.

Но что скрыто за всем этим – за тысячами звонков, каждый день поступающих на номер 999 в Лондоне, городе с почти 10-миллионным населением, который не засыпает ни на минуту? Что происходит в тот момент, когда бригада скорой помощи выезжает по вызову, чтобы зафиксировать то, что была получена травма, произошла драка, имеется угроза жизни, человек сошел с ума, а в некоторых случаях констатировать смерть? Кто эти люди, которые по долгу службы день и ночь ездят по городу, оказывая помощь жертвам преступников или тем, кому внезапно стало плохо? С какими угрозами они сталкиваются, отвечая на телефонные звонки, поступающие в службу экстренных вызовов?

Публикуя заметки для газеты *London evening standard*, я в течение 4 лет делала интервью с людьми, занимающими различные должности в городских службах Лондона. Среди них была и Лиза Уолдер. Моими собеседниками были врачи, медсестры, работники скорой помощи, полицейские, спасатели. Это люди, которым по долгу службы приходится каждый день иметь дело с последствиями болезней, алкогольной и наркотической зависимости, преступлениями и стихийными бедствиями. Иногда в процессе работы, где в любую минуту дня и ночи может случиться все, что угодно, а твоя помощь может потребоваться как на многолюдных улицах Лондона, так и в городских пригородах, они сталкиваются с самыми гнусными проявлениями человеческого характера. Именно они останавливают кровь, вытаскивают осколки из тел, успокаивают напуганных или находящихся в состоянии шока, а если повезет, они смогут спасти людей, которые без их усилий и своевременной помощи отправились бы в мир иной.

По натуре я законченный циник, однако, не могу не отметить, что такие работники скорой помощи, как Лиза, восхищают преданностью своей работе, профессионализмом и, что важно отметить (это не будет преувеличением), скромностью по отношению к собственной значимости в жизни города. Как и многие другие ее коллеги, Лиза настаивает на том, что в работе спасателей и сотрудников службы экстренных вызов 999 нет места для личного героизма. Они точно знают, что эффективность работы зависит главным образом от скоординированной работы пожарных, полицейских, работников скорой помощи, пилотов вертолетов и врачей, а не от подвигов отдельных людей.

Лиза – медсестра, работник скорой помощи, мама троих детей и жительница Лондона – подробно рассказала мне о работе скорой помощи и о медиках, обычных людях, готовых взять на себя большую ответственность, профессионалах своего дела, которые садятся в машину и выполняют свой долг во что бы то ни стало. А когда основные улицы нашего города время от времени превращаются в зону боевых действий, они сразу же окажут первую помощь, относясь с юмором к происходящему, но в тоже самое время проявляя квалифицированный и гуманный подход к делу, от которого большинство из нас отказалось бы.

Среди историй Лизы можно найти рассказ про женщину, которую пытался зарезать муж, про девочку, обвиненную в том, что она ведет асоциальный образ жизни, про молодую девушку, которую оставили истекать кровью в южной части Лондона после хладнокровного удара ножом. Эти истории подобны сводкам с фронта и наполнены искренностью. Рассказ Лизы о буднях Лондонской службы бесплатной скорой медицинской помощи, самой большой подобной организации в мире, может ужасать, шокировать, наводить грусть, давать пищу для размышлений или просто поднимать настроение, но он также позволяет узнать нам много о человеческой природе и о нас самих, где бы мы ни жили. Эта книга знакомит нас с работой скорой помощи в Лондоне, но надо сказать, что все бригады, работающие в разных частях страны под эгидой министерства здравоохранения или организации «Скорая Помощь Святого Иоанна», также отличаются высоким профессионализмом и преданы своему делу.

Ваша работа иногда бывает трудной, но мы можем вами гордиться. Не отводя взгляда, вы мужественно смотрите в лицо смерти, соприкасаясь с болью, шоком, асоциальным поведением, и рискуете собственной жизнью. Обычно вы делаете это шутя и с улыбкой на лице. Хочется каждому из вас сказать: «Спасибо». Вы говорите, что не считаете себя героями. Но для многих из нас именно вы олицетворяете образ настоящих героев.

Джеки Хаймс,
Лондон, 2020 год

Вступление

Мне всегда нравилось делать свою жизнь немного похожей на приключенческий роман. Думаю, именно поэтому я, будучи крайне наивной 16-летней девушкой, убежала из дома, чтобы присоединиться к бродячему цирку, к большому неудовольствию своей матери. Но разве можно в чем-то обвинять ее? Не все родители хотят подобной судьбы для своего ребенка. Напротив, отец, который некоторое время был странствующим музыкантом, с пониманием отнесся к моему решению вести кочевой образ жизни. За 4 года в цирке я выступала на трапеции, жонглировала, балансировала на огромном шаре, ездила верхом на лошади, играла в клоунском представлении роль человека, которого невозможно рассмешить. В одном спектакле мне доверили роль ведущей, так как я одна в цирке могла говорить по-английски без сильного акцента. За 4 года я объездила всю Британию, Ирландию и Европу. И я не только не сломала себе шею, но и не получила ни единой травмы.

Однако когда мне исполнилось 20 лет, настало время уйти из цирка и начать новую жизнь. И я стала учиться на медсестру. Что заставило меня выбрать эту профессию? Честно говоря, я не помню, чтобы вообще сильно задумывалась над этим вопросом. Подозреваю, что я посмотрела слишком много эпизодов сериала «Катастрофа» про работу медиков. Уже через 3 месяца после начала обучения в медицинском колледже я наконец-то получила возможность самостоятельно ухаживать за ничего не подозревающими пациентами. Надевая в первый день дежурства шляпу с полями и шикарное длинное платье, я горела желанием спасти несколько жизней. Давая первое задание, старшая медсестра попросила меня помочь коллеге, дежурившей за занавеской у кровати какого-то пожилого пациента.

– Привет! – радостно сказала я. – Мне сказали помочь тебе.

– Отлично. Я ухаживаю за мистером Смитом. Можешь подмыть его?

– Серьезно? – спросила я.

Хотелось кричать от ужаса. Никогда раньше мне не приходилось мыть очень грязную попу взрослого человека. Как я уже сказала ранее, я была наивной девочкой. Как бы там ни было, я прилежно справилась с возложенной на меня обязанностью. Но в голове уже зрел план побега. Я решила, что скоро найду какую-нибудь другую работу, и успокаивала себя тем, что никогда больше не буду мыть попу другим пациентам. Но, несмотря на первый неудачный опыт, со временем мне стала нравиться моя работа, и прежнее желание было отброшено. Перед окончанием обучения я некоторое время трудилась в отделении скорой помощи и поняла, что нашла в работе медсестры все то, что ожидала: она была захватывающей, непредсказуемой и заставляла выкладываться на все 100 %. Когда ты работаешь на скорой, то каждый день совсем не похож на предыдущий. Это было именно то, что мне больше всего нравилось. В период стажировки в отделении я должна была в один из дней познакомиться с работой бригады скорой помощи. Некоторые из коллег-женщин призывали меня опасаться мужской части коллектива.

– Это сборище донжуанов, – говорила одна.

– Они просто настоящие свиньи, – наперекор ей говорила другая.

– Держи ухо востро, иначе они сделают из тебя девочку на побегушках и заставят целый день заваривать им чай.

В то время женщины работали в бригадах скорой помощи, но их было очень мало. Именно поэтому, когда я попала на станцию скорой помощи, я уже была сильно напугана. Переживая, что могу совершить какой-нибудь поступок, недостойный профессии, я так сильно нервничала, что, сидя в общей комнате отдыха, молчала как рыба. Это было так не похоже на атмосферу, к которой я привыкла в больнице, где большинство сотрудников были женщины. А беседа двух коллег вовсе не была такой уж невинной. Один из медиков спросил, хочу ли я чаю. «Уж не розыгрыш ли это?» – подумала я и ответила:

– Да, хочу.

Но мои опасения были напрасны. Коллега просто протянул мне чашку с очень крепким чаем. Сделав глоток, я обожгла губы. Чай и вправду был очень крепким. Но меня всю трясло, и я не могла произнести не слова. Пока мы ждали первого выезда, я сидела в общей комнате, нервно натягивая юбку на колени. Наконец поступил вызов. Все поднялись на ноги.

– Ты поедешь с нами? – спросил меня Стив, который был выше ростом, чем его напарник по имени Найджел.

Мысленно благодаря судьбу за то, что мне не придется допивать такой крепкий чай, я согласилась. На тот момент я практически ничего не знала ни об одном из своих коллег. Впоследствии Стив стал моим мужем. (Бедный дурачок, как же долго он мучился от любви.)

Включив спецсигналы, мы поехали на вызов. Это была, как мы называем, «настоящая работа». У женщины остановилось сердце. Прямо на улице. Я смотрела, как Стив вставил ей в рот трубку, чтобы обеспечить доступ кислорода в легкие. Это называется «интубация». Потом он установил канюлю в вену, чтобы через нее вводить лекарства в попытке запустить работу сердца. Одновременно я пыталась помочь, делая массаж сердца. Затем мы положили женщину на каталку и погрузили ее в машину скорой помощи. Мы отправили срочный вызов в больницу, и Найджел, включив проблесковые маячки и сирены, довез нас туда.

Всю дорогу мы со Стивом пытались реанимировать пациентку. Я раньше не сталкивалась ни с чем подобным, и весь путь до больницы адреналин в крови просто зашкаливал. Когда мы приехали, меня трясло как котенка. Прическа на голове испортилась, и я потеряла пару волос. От переутомления, полученного в этой поездке на расстояние в 12 миль, меня бросало в жар, а с тела градом лил пот. К тому же мои чулки порвались, а на коленях были ссадины, которые я получила, ударившись о тротуар. Я чувствовала себя как выжатый лимон, внутри все гудело. Но я была удовлетворена проделанной работой.

К сожалению, как это часто бывает в таких ситуациях, женщина умерла. Но теперь я окончательно поняла, что хочу работать именно на скорой помощи. Это было мне по душе. После окончания учебы в 1993 году я получила диплом медсестры общей практики. Тогда, в начале 90-х годов, получить работу в отделении скорой помощи было совсем не просто. Все места были заняты. Я должна была записаться в лист ожидания отделения и начать работать медсестрой в терапевтическом отделении больницы. Поступая в терапию, я уже мечтала о том, что буду работать на скорой. В дальнейшем, обеспечив себе «запасной аэродром», я также отправила резюме в службу скорой помощи, и через полгода меня приняли туда.

Наконец я вернулась к кочевому образу жизни. Но теперь я отложила в гардероб алмазное бикини, в котором выступала в цирке, и, став сотрудником Лондонской службы скорой помощи, примерила на себя теплые ботинки с металлическими носками. В апреле 1994 года я начала работать медицинским техником скорой помощи. В отличие от сотрудников других экстренных служб нашего города, которые первыми вступают в борьбу с чрезвычайными ситуациями, медицинские техники выезжают на все вызовы, поступающие в службу 999, выполняя основные реанимационные мероприятия, позволяющие привести человека в сознание, и делают дефибриляцию (приводят сокращение сердечной мышцы в норму), вводят человеку жизненно важные лекарства, выполняют другие лечебные манипуляции.

Два года спустя я решила начать учиться на фельдшера, а в 2003 году прошла дополнительное обучение в университете, став одним из первых докторов неотложки в Лондоне. Мы, как и другие медики, выезжаем на все вызовы, поступающие в службу 999, но работаем на обычных машинах, используя в том числе и личные автомобили. Так как все доктора скорой помощи также выезжают на дом к пациентам в составе обычных бригад, то их часто направляют на особо срочные вызовы, например, если у пациента произошла остановка сердца или он получил травму, чтобы человек мог максимально быстро получить квалифицированную помощь. Автомобиль медика может ехать в потоке машин с достаточно большой скоростью, и

благодаря этому врач сможет приехать к пациенту раньше, чем скорая, и начнет немедленно оказывать помощь. Также доктор может выезжать на менее срочные вызовы, например легкие травмы или несерьезные заболевания, при которых далеко не всегда требуется госпитализация. В таких случаях он может провести полный осмотр на месте и часто оказать необходимую помощь или лечение, которое обычно производят в больнице. Мы возим с собой дополнительное оборудование для анализов и можем, например, сделать инъекцию антибиотика в домашних условиях. Кроме этого, многие доктора скорой помощи также работают в соответствующих отделениях больниц и травмпунктах. Поэтому мы имеем возможность работать совместно с врачами различных профилей, получая от них новые знания, которые затем используем, выезжая на очередные вызовы.

Пожилые люди или те, кто в силу обстоятельств не может надолго уезжать из дома, очень рады тому, что на вызов приезжают квалифицированные врачи, ведь теперь им зачастую не приходится ложиться в больницу. В случае если необходимо продолжить лечение, врач скорой помощи может обратиться к специалисту общей практики по месту жительства, в поликлиники или другие медицинские организации. Оказывая помощь людям, помогая им избежать госпитализации и оставляя их дома счастливыми и светящимися от радости, ты чувствуешь особенное удовлетворение от собственной работы.

В 2014 году я уволилась из Лондонской службы скорой помощи и теперь живу в старом загородном доме на холмах северной Тосканы (Италия), регулярно возвращаясь на работу в Центр неотложной помощи в южном Лондоне.

Я хотела написать эту книгу потому, что понимала – медицина интересует очень многих. Общаясь с незнакомыми мне ранее людьми, я всегда видела большой интерес к нашей работе и желание узнать какой-нибудь увлекательный медицинский факт. Хотелось бы отметить, что все мысли и переживания, высказанные и описанные в книге, являются сугубо личными и субъективными. Я не допускаю и мысли о том, что мои коллеги будут во всем со мной согласны. Но необходимо также сказать и о том, что истории, наподобие тех, которые вы прочтете на страницах этой книги, может рассказать любой из нас. Нам всем приходилось выезжать на вызовы, где мы иногда получали различные травмы, а происходившее вселяло леденящий кровь ужас, навевало грусть, а порой и поднимало настроение. Я ни в коем случае не собираюсь приписывать себе авторство этих историй, не имею никакого права на это.

Мои соратники по бригаде – замечательные люди. Рассказывая анекдот коллегам и друзьям в комнате отдыха на станции скорой помощи, я смеюсь так громко и задорно, как не смеюсь больше ни с кем. Нам действительно очень хорошо вместе, мы много общаемся. Я думаю, сейчас очень мало коллективов, где царит такая же дружеская атмосфера, как у нас. И это одна из причин, почему так много персонала состоит в отношениях или в браке друг с другом. Я готова поклясться в этом, потому что сама вышла замуж за Стива. Очень часто доктора встречаются или создают семьи с медсестрами или сотрудниками других экстренных служб, в этом нет ничего необычного. Подозреваю, это вызвано тем, что у нас много общего, например ненормированный рабочий график. Ну и конечно, то, что мы имеем дело с жизнью и смертью.

Трагические истории

Наркоманы

Принимая вызовы на выезд к наркоманам, у которых произошла передозировка героина, мы часто слышим такие слова, как «молодой человек потерял сознание» или «испытывает проблемы с дыханием» – передозировка наркотиков приводит к остановке дыхания. Ведь когда человек звонит в службу экстренной медицинской помощи по номеру 999, чтобы рассказать о случившемся, последнее, чего он хочет – открыто говорить правду. В таких случаях наркоманы больше всего беспокоятся о том, чтобы полиция ничего не узнала. Покупая героин на улице, наркоманы не знают его состав на 100 %, это может быть смесь нескольких веществ. К тому же они могут принять неправильную дозу. Через несколько секунд после того, как они введут в вену правильную, как они считают, дозу героина, лицо становится землистого цвета. Дыхание прекращается, что, в свою очередь, приводит к остановке сердца из-за недостатка кислорода.

Во многих случаях передозировка героина может стать причиной мгновенной смерти. Но бывает, что дыхание прерывается лишь на короткий промежуток времени. Именно поэтому, если позвонить вовремя, есть шанс на спасение. В таких случаях мы делаем им инъекцию «Наркана» – лекарства, которое у нас всегда под рукой. Оно нейтрализует действие любого наркотического вещества, например морфина или героина, и может снять эффект передозировки за несколько минут. Однако к нашему удивлению, наркоманы не всегда испытывают благодарность и облегчение по поводу того, что мы смогли спасти их от гибели. Часто стоит только препарату подействовать, как наши пациенты, приходя в себя, выражают тревогу и негодование. По их мнению, они потратили деньги на героин, а мы приехали и «обломали им всю малину» только потому, что кто-то волнуется за их жизнь! Поразительно, не правда ли? Мы не можем сказать: «Простите, секунду назад вы были на волосок от смерти и все равно переживаете из-за наркотиков?» Но именно так они и думают.

Иногда они просто уходят от нас. Это гораздо опаснее, чем может показаться, так как героин, оставшийся в крови, выводится дольше, чем антидот, и существует вероятность того, что дыхание пациента снова остановится. Если мы чувствуем, что наркоманы хотят уйти от нас прямо сейчас – иногда это можно заметить по косвенным признакам, – возможно повторное введение «Наркана». Мы не хотим, чтобы пациенты теряли сознание. Для нас подобная плачевная ситуация – возможность проявить все свое мастерство. Но только при условии, что нам не будут мешать.

Наркоманы нередко выкрикивают оскорбительные слова. Но со временем понимаешь, что они не адресованы лично тебе. Они направлены на тех, кто пытается вывести наркоманов из опьянения. Если доктор – женщина, то ее, скорее всего, назовут «гребаной глупой проституткой» или «тупой светловолосой коровой», если вы носите очки – «очкастым мерзавцем». Если же вы лысый (например, как мой муж), то вас обзовут «лысым придурком». Или как-то еще в этом роде. Агрессия и оскорбления могут быть гораздо сильнее, если вы пытаетесь помочь человеку, употреблявшему кокаин. Героин несколько более тяжелый наркотик, но невозможно найти общий язык с человеком, употреблявшим кокаин. Вы просто потратите время впустую.

Вечером меня вместе с мужем вызвали по знакомому адресу. Унылый обшарпанный, обветшавший дом, который, казалось, не красили и не ремонтировали уже 100 лет. Развалюха-кровать, на столе разбросаны остатки завтрака. За столом, плотно прижав пальцы к губам, сидит человек неопрятного вида, небритый и нечесаный, похожий на грубияна Онслоу

– персонажа Джефри Хьюза из сериала «Соблюдая приличия». Именно он вызвал нас сюда. Вся комната насквозь пропахла табаком, едким потом, во всей атмосфере сквозит отчаяние.

– Вы сняли комнату в августе на две недели? – с ухмылкой спрашивает Стивен, пытаясь с помощью шутки разрядить обстановку.

Мы понимаем, что чувство юмора очень может пригодиться. В поступившем на линию экстренной службы звонке говорилось о затрудненном дыхании, но я была более чем уверена, что у кого-то произошла передозировка героина.

– Мы никогда раньше не приезжали сюда по какой-либо другой причине, – сказала я Стивену, пока мы в сопровождении «Онслоу» шли по обветшалому коридору в убогую комнатушку.

Помещение насквозь пропахло марихуаной. У окна, развалившись на стуле, сидел парень на вид чуть старше двадцати. На него было неприятно смотреть: кожа красная как у пьяного, лицо и грудь покрыты засохшими следами рвоты. Рядом с ним стояло три человека – двое мужчин и девушка. Они выглядели как истуканы и не проявляли никаких эмоций: кайфовали от наркотиков. Один из мужчин указал на стул:

– Ему не очень хорошо, – сказал он таким тоном, как будто ничего особенного не произошло. – Нам пришлось откачивать его.

– Когда он в последний раз разговаривал с вами? – спросила я, ставя сумку на пол.

– Да всего лишь пару минут назад.

Стив и я попытались поднять парня со стула и положить на пол, чтобы сделать искусственное дыхание. Но эта задача оказалась невыполнимой. Парень был тяжелым как камень и словно приклеился к стулу. И тут меня стали одолевать сомнения. Дело в том, что подобные признаки могут свидетельствовать о начале трупного окоченения, состояния, при котором все мышцы теряют гибкость и становятся каменными. Знание данного факта помогает достаточно точно установить время гибели, так как известно, что подобный процесс начинается примерно через 2 часа после смерти, а через 8–12 часов труп полностью коченеет. Значит, парень умер несколько часов назад, а никак не за несколько минут до нашего прихода.

– Вы точно уверены, что он разговаривал с вами несколько минут назад? – спросил Стив.

– Да, конечно. Он ходил туда-сюда и все такое.

Верилось с трудом. Будучи медиками, мы знали, что это невозможно ни при каких обстоятельствах. Слишком много времени прошло. Вероятно, парень умер несколько часов назад. К нам на помощь поспешил другой медик, но мы остановили его. Слишком поздно.

Пытаясь понять, что произошло, мы снова стали расспрашивать троицу о том, что случилось. На этот раз они запели старую песню на новый лад.

– Ну, мы не спали всю ночь, разговаривали. Примерно в 6 часов утра мы увидели, что он не дышит. Мы откачали его, а потом посадили в кресло. Определенно, он был жив. Потом мы пошли в кафе, чтобы купить бутерброд с беконом и подкрепиться.

Складно врут, не так ли? Как это возможно: бросить своего друга, находящегося при смерти, в одиночестве лишь потому, что тебе захотелось позавтракать? Но что бы вы ни думали об этих людях, они будут считать, что сделали все возможное. Мы ни минуты не сомневались, что они даже и не пытались привести его в чувство. Один короткий звонок на номер 999, сделанный без особого желания после возвращения из кафе, – вот, вероятно, и все, что они пытались предпринять. На самом деле смерть наступила за несколько часов до этого.

Позже приехали полицейские, но, вероятно, они ограничились формулировкой «смерть произошла при загадочных обстоятельствах», так как нас ни разу не просили дать показания. Возможно, причиной смерти стала случайная передозировка наркотиков. К сожалению, человек оказался в плохой компании. Его товарищи просто не поняли, что их друг умер. И в этом нет ничего удивительного. Большинство людей, увидев мертвого человека, не поймут, что произошло.

Смерть, какой мы ее видим в кино или по телевизору, всегда связана с насилием: всегда нам покажут рану, откуда будет течь кровь. Смерть на экране или в книге – в большей степени драма. В реальности со смертью внешний облик человека не меняется. Она является тихо. Достаточно часто бывает так: ты приходишь в дом, и кто-то говорит тебе: «Она наверху, дорогой. Она отдыхает». Все очень спокойно. А на самом деле она давно умерла.

Нападение в парке

Однажды, когда мы сидели на станции скорой помощи, мне стало так скучно, что хотелось провалиться сквозь землю. Некоторым людям нравится, когда вокруг ничего не происходит. В такие дни можно валять дурака, шутить с друзьями, смотреть телевизор, рассказывать друг другу сплетни. Но я начинаю впадать в уныние, когда все идет слишком буднично. Мне больше по душе ситуации, когда все время приходится преодолевать трудности и каждый день жизни ни капельки не похож на предыдущий.

– Ах, вот бы прямо сейчас поехать на какой-нибудь необычный вызов, – пожаловалась я Каролине, своей коллеге, – такой, чтобы убежать от обыденной жизни. Я жду уже целую вечность, а ничего такого не происходит.

Вместо ответа Каролина посмотрела на меня таким взглядом, как будто хотела сказать: «Ты что, совсем сошла с ума?» Моя коллега принадлежит к тому типу людей, которые предпочитают размеренный образ жизни. Сталкиваясь с такими как я, они всегда говорят: «Типун тебе на язык, ты понимаешь, что говоришь?» Не правда ли, дорогие читатели?

И вот откуда не возьмись к нам поступил вызов из тех, что мы называем «несостоявшимися». Это значит, что кто-то позвонил на номер 999, сказал, что произошло ЧП, и сразу повесил трубку. В парке на юге Лондона произошло нападение на мужчину и женщину – вот и все, что было известно. Точная информация в какой части парка это произошло отсутствовала. Полиция уже выехала на вызов. Может быть, нам удастся встретить ее около одного из входов в парк?

К тому моменту, когда мы приехали на место, в полицию уже поступило несколько звонков от пострадавшего мужчины, который звонил со своего мобильного телефона. Несмотря на все его попытки объяснить, где именно он находится, полицейские никак не могли его вычислить. Пострадавший говорил, что лежит рядом со сценой, но это никак не помогало в поисках. Мужчина также заявлял полицейским, что ничего не знает о том, где находится его девушка. По его словам, на них напала банда афроамериканцев, при этом они похитили его спутницу.

Лучше всего было зайти в парк через ближайший вход и двигаться по направлению к сцене. Взяв медицинское оборудование и фонари, мы пошли туда. В сопровождении полицейских мы вдвоем с Каролиной шли по темному и опустевшему парку, освещая себе дорогу. Но ни мужчины, ни его девушки, ни нападавших не было видно. Мы вернулись к полицейской машине за подкреплением. И тут поступила информация о том, что девушке всего 16 лет. Полицейские спрашивали мужчину, знает ли он, жива ли его спутница, но он не мог ответить ничего определенного, продолжая говорить, что ее избили и увезли. С каждой минутой ситуация становилась все более тревожной: мы искали девушку уже 20 минут, но ее и след простыл, мы не знали, в каком она состоянии и насколько серьезным было нападение. Но вот дело наконец сдвинулось с мертвой точки: один из полицейских нашел девушку и указал место ее расположения «в центральной части парка». Он сказал, что пострадавшая не дышит, у нее нет пульса, и сообщил начальству, что делает ей искусственное дыхание. В воздухе послышалось жужжание вертолета, поднятого на поиски испарившейся банды. Рядом громко ругалась группа мальчиков на велосипедах:

– Что случилось? Кто-то умер? – спрашивали они злобными голосами.

– Идите домой, – сказала я, – уже слишком поздно.

Мне было тяжело говорить это. С каждой секундой времени на то, чтобы спасти молодую девушку, оставалось все меньше. Чем быстрее мы начнем ее реанимировать, тем лучше. Полиция направила нас в участок парка, заросший густым лесом. Туда действительно было трудно добраться: чтобы попасть в нужное нам место, пришлось перелезать через двухметро-

вый забор. Когда наконец все препятствия были преодолены, мы увидели всего лишь одного полицейского, отчаянно пытавшегося сделать девушке искусственное дыхание.

– Я нашел ее в таком состоянии, – произнес он, смотря на нас.

Мы попросили его отойти и разложили медицинское оборудование. Обычному человеку это может показаться странным, но медики из службы экстренных вызовов обычно не применяют метод искусственного дыхания рот в рот, используя его лишь в том случае, когда речь идет о реальной угрозе жизни младенца или маленького ребенка. Объясняется это тем, что при использовании данного способа искусственного дыхания высок риск инфицирования. Но полицейский действительно хотел помочь, сделать хоть что-то полезное до нашего приезда.

Теперь мы с Каролиной начали с помощью дыхательного мешка и кислородной маски закачивать девушке кислород в легкие, делая искусственную вентиляцию. На ее шее я заметила следы кровоподтеков, что является важной информацией для полиции: это может свидетельствовать о том, что девушку пытались задушить. Потом Каролина, немало раздраженная тем, что над нами с жужжанием кружил вертолет, светивший ей прожектором прямо в глаза, начала делать пострадавшей непрямой массаж сердца.

– Неужели вам так интересно знать, чем мы занимаемся? – ворчала она, взглянув на небо.

Мы отчаянно пытались вернуть девушку к жизни. И – о чудо! – через 10 минут напряженной работы пострадавшая начала оживать: у нее появились пульс и сердцебиение, что давало какую-то надежду на счастливый исход. Но девушка все еще не могла дышать самостоятельно, поэтому мы продолжали закачивать ей кислород в легкие. К нам на помощь приехала еще одна бригада скорой, в этот же момент пожарные пытались разрезать ворота в парке.

Тем временем где-то в другой части парка еще одной группе полицейских удалось найти пострадавшего мужчину.

– Вы хотите осмотреть его? – спросили нас полицейские, связавшись по рации.

Мы ответили отказом. На данный момент нас больше заботила девушка. Полицейские сообщили, что у мужчины нет видимых следов нападения. Машина, приехавшая, чтобы госпитализировать его, была отправлена обратно.

Наконец, мы вынесли девушку из парка и повезли в больницу. Когда пострадавшую поместили в отделение интенсивной терапии, у нее все еще прощупывался пульс. Но беда была в том, что в попытке обнаружить девушку мы потеряли слишком много драгоценных минут. Поэтому даже если бы она осталась жива, это могло привести к необратимым изменениям мозга.

В больнице было полно полицейских. Они пытались найти родственников пострадавшей. Мужчину в сопровождении полицейских доставили в другую больницу. У полиции уже появились сомнения относительно правдивости его рассказа о произошедших событиях. Подозрения зародились еще в тот момент, когда были обнаружены кровоподтеки на шее пострадавшей. И они только усилились после того, как мужчина описал нападавших. Его рассказ о том, что все они были одеты в тренировочные костюмы фирмы *Nike*, производил очень странное впечатление. Обычно люди, ставшие жертвами нападения, едва ли могут вспомнить марку кроссовок или верхней одежды, в которую были одеты преступники. К тому же, хотя мужчина утверждал, что его избили, на нем не было ни царапины, что могло бы свидетельствовать о правдивости сказанных им слов.

Что же касается пострадавшей девушки, то она пролежала несколько дней в отделении интенсивной терапии в критическом состоянии. К сожалению, несмотря на все усилия лучших врачей, она умерла в окружении родственников, круглосуточно дежуривших в ее палате. Вскоре у полиции появилось достаточно доказательств для того, чтобы предъявить мужчине обвинение в убийстве своей спутницы. Они подозревали его с самого начала, но позволили ему рассказать всю историю от начала и до конца, и мужчина все больше и больше выдавал себя. Он признался, что пригласил девушку на романтическую прогулку в парк, где они занимались

сексом (мужчина настаивал, что это произошло с согласия девушки). Он утверждал, что после этого на них неожиданно напала «банда». Никто не может сказать точно, что произошло между ними в ту ночь в парке, но все указывало на то, что мужчина задушил девушку. К счастью, в суде согласились выступить две бывшие пассии обвиняемого. Они заявили, что мужчина также пытался задушить каждую из возлюбленных, после того как узнавал об их желании расстаться с ним. По итогам судебного процесса он был признан виновным в убийстве. Похоже, что погибшая девушка тоже пыталась порвать со своим убийцей, но за желание быть свободной ей пришлось поплатиться жизнью.

По крайней мере, справедливость восторжествовала. Но я бы хотела, чтобы этот «необычный вызов» имел счастливый конец.

Между жизнью и смертью

В реальность происходящего верилось с трудом. Я приехала в Норвуд – район на юге Лондона – и пыталась попасть внутрь старого обветшалого дома, построенного в викторианском стиле, который давно не ремонтировали; внешний вид строения говорил о том, что его лучшие дни безвозвратно ушли лет сто назад, а возможно, даже и раньше. Для того, чтобы открыть входную дверь, мне пришлось приложить неимоверные усилия: хозяин оставил ключ, привязав его к шнурку и положив в почтовый ящик, но я потратила массу времени на то, чтобы отыскать этот самый злополучный ящик. Когда же мне и моему напарнику Рику наконец удалось попасть внутрь дома, мы испытали сильный шок от увиденного. «Помойка» – вот наиболее точное слово, которое я могу подобрать для описания внутренней обстановки в доме. Возможно, сценаристам реалити-шоу «Жизнь семьи Гримм», где герои борются с беспорядком в доме, и вам, дорогие читатели, удастся найти что-нибудь поточнее.

Во-первых, запах – этот удушающий запах смеси кошачьей мочи и человеческих испражнений, который сбивает тебя с ног, едва ты переступаешь порог. Со стен кусками отваливается краска. А на полу, насколько хватает взгляда, нет свободного места от разного рода мусора: коробок, старых газет, целлофановых пакетов, бумажных оберток, конвертов, пластиковых упаковок и всевозможного сора, который заносит с улицы ветер; в этом доме десятилетиями никто не убирал. А ведь кто-то тут живет. Здешняя кухня наверняка привела бы ведущих британского шоу «Насколько чисто у вас в доме?» Ким и Агату в полный восторг. В этом доме они могли бы снять целый сезон своей программы. Тут и там виднелись въевшиеся пятна жира, грязные тарелки, мусор, от которого исходил зловонный запах, а также пустые консервные банки. Вы наверняка сказали бы, что этот дом насквозь прогнил, что здесь может произойти пожар и что жить здесь опасно. Довершали всю эту картину серые кошки, сновавшие туда-сюда. Интересно, как им удавалось выживать в этой грязи?

Диспетчер, принимавший заявку на выезд по этому адресу, сообщил нам, что здесь живет старик лет семидесяти, испытывающий боли в груди и проблемы с дыханием. Также диспетчер предупредил нас, что мы сами должны войти внутрь. Пациент лежал в спальне на втором этаже, окруженный еще одной горой мусора, сора и огромного количества бумаги. Под ним валялась груда грязных, мокрых простыней, на которых были заметны следы мочи. У кровати стояло несколько стаканов, на дне которых виднелась плесень. Из одежды на старике были только трусы. Он очень тяжело дышал. В течение многих лет больной пытался выжить в этом мире мусора и беспорядка, но теперь болезнь взяла свое и его корабль жизни сел на мель, а дом затонул в пучине въевшейся грязи.

– Я задыхаюсь, – увидев нас, прохрипел он.

Мы с Риком попытались посадить больного, но скоро поняли, что это невозможно: старик был слишком слаб и его нужно было срочно везти в больницу. Но это было не так просто: мы потратили много сил, чтобы пробиться к нему через весь этот завал из коробок и хлама. Как он вообще тут передвигался? Он должен был ползать среди этого барахла.

Я попыталась присесть на краешек кровати и заметила, что успела замочить свои брюки мочой. Мусора было так много, что я не могла твердо стоять на полу.

– Мы заберем вас в больницу, – сказала я, стараясь придать своему голосу уверенность.

Но сама я сильно нервничала, понимая, как тяжело будет вывести старика отсюда. О том, что он мог бы выйти своими ногами, не могло быть и речи. Но в то же время мы не могли использовать кресло-носилки, представляющее из себя что-то вроде инвалидной коляски, так как из-за этого мусора и хлама оно бы не проехало никуда дальше входа и мы не могли гарантировать безопасность такой транспортировки для пациента. Поэтому мы были вынуждены позвонить диспетчеру и попросить пожарных о помощи.

Для того чтобы старику было легче дышать, мы надели на него кислородную маску, после чего удалось узнать его историю. Много лет назад мужчина потерял жену и с тех пор редко выходил на улицу из-за плохого состояния здоровья.

– Мне помогают соседи, – сказал он.

– А кто-нибудь еще за вами ухаживает? – спросила я.

– Нет, – прохрипел старик. – Мне никто не нужен. Я не хожу в поликлинику и не принимаю никаких лекарств. Я могу сам о себе позаботиться.

Сколько раз в своей жизни я слышала эту короткую фразу из шести слов «я могу сам о себе позаботиться». Снова и снова одинокие пожилые люди говорят нам, что они могут жить самостоятельно, хотя все свидетельствует об обратном. Те же самые слова слышат и их обеспокоенные родственники, люди, которые чаще всего и бьют тревогу, но в силу разных причин, в основном из-за того, что они живут далеко, не навещают своих родных. И такая ситуация может тянуться годами. Теоретически у этих пожилых людей есть все необходимое, чтобы спокойно доживать свой век. Но в реальности такая жизнь превращается в муку. Такой погром, какой я видела в тот день в доме у старика, я больше нигде не встречала.

К счастью, вскоре приехали пожарные, так что теперь мы могли эвакуировать больного. С большим трудом четыре человека смогли положить его на носилки и затем, выстроившись в цепочку, передавали их из рук в руки. Пожарные решили, что лучше всего эвакуировать старика через раздвижное окно в спальне, которое мне удалось распахнуть, только приложив изрядное количество усилий – его давным-давно никто не открывал. На улице уже собралось много пожарных, которые отнесли носилки в машину скорой помощи.

– А как же мои кошки? – спросил меня старик. – Кто теперь будет их кормить?

Я сказала, что зайду в соседний дом. Может быть, люди будут иногда приносить кошкам еду.

– Хорошо, но только если они будут ставить миски у входа, – предупредил меня больной. Было понятно, что он не хотел пускать к себе никого, даже соседей.

Перед отъездом я постучалась в дверь соседнего дома. Мне открыла хозяйка, приятная на вид полная блондинка. Ее семья уже давно переживала за жизнь старого соседа. Именно они и вызвали нас к старику: вот уже несколько дней они видели, что в его доме горит свет, но не слышали никаких звуков, которые могли бы говорить о том, что хозяин жив.

– Он и слышать не хочет о том, чтобы купить телефон, – сказала она мне. – Старик не разрешает никому приходить и помогать ему. Кроме нас у него никого нет, – грустно сказала она, заверив нас, что позаботится о кошках.

Справедливости ради стоит сказать, что соседи все же немного помогали старику, в течение многих лет собирая и принося ему еду.

В больнице нового пациента поместили в реанимацию. Наша работа также заключалась в том, чтобы обратить внимание соответствующих инстанций на те условия, в которых жил старик. Пожарные тоже заявили о том, что дом непригоден для жизни. В результате к решению данного вопроса удалось привлечь социальные и коммунальные службы. Но я продолжала следить за ситуацией. Через несколько недель я поинтересовалась у участковой медсестры этого района, как дальше развивались события. Она сказала, что в доме провели уборку и теперь туда снова вернулся хозяин. Кажется, он все-таки согласился на то, чтобы ему помогал соцработник. Так что, по крайней мере, эта история одинокого старика, не желающего ни с кем общаться, – худший пример подобного рода, который я видела в своей жизни, – не закончилась трагедией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.